

УДК 81-22

**КАКОГО РАЗРЯДА МЕСТОИМЕНИЯ *ОНЪ* – *ОНЫЙ*,
ЕГО И *ОНЪ* – *ЕГО*? ИСТОРИЧЕСКИЙ, ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
И КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ***Д.Г. Демидов***Аннотация**

Указательное местоимение *онъ* – *оный* распалось к XVI – XVII вв. на личное *онъ* и указательное *оный*. Относительное по происхождению местоимение *его* – *ему* с недостаточной парадигмой без формы Им. п. выделило к этому времени личные антецеденты и закрепилось в супплетивной полной парадигме с начальной формой *онъ*. В имперский период повышения роли государства личное местоимение *онъ* – *его* перешло в относительно-указательное.

Ключевые слова: указательное местоимение, относительное местоимение, личное местоимение, дейксис, анафора, кореференция, категория лица.

Распад единой леммы указательного местоимения *онъ* со сложной формой *оный* привел к тому, что простая словоформа *онъ* закрепилась в употреблении как субстантив и занимает позицию подлежащего. Сложная форма *оный* со своей парадигмой настолько прочно усвоилась в атрибутивном употреблении, что, вместе со сложной (местоименной) формой имен прилагательных, считается начальной, следовательно, создает вторичную мотивацию. Производная сложная форма осталась в указательном разряде; простая субстантивная форма Им.п. приобрела личное значение и обладала им до конца XVII в.

Происходит расширение эквиполентной лексической оппозиции *я* : *ты* формой 3-го лица до градуальной оппозиции *я* : *ты* : *онъ* по аналогии с трехчленными морфологическими личноголагольными парадигмами синтетических словоформ: если *я* *иду*, *ты* *идеешь*, а *он* *идет*, то и *я* : *ты* : *он* как *иду* : *идеешь* : *идет*¹. При этом в школьной грамматике прощается логическая ошибка подмены общего частным: если в качестве подлежащих при *иду* и *идеешь* возможны только *я* и *ты*, то при *идет* – открытое множество существительных, в частности заменяющихся на *онъ* (*-а*, *-о*, *-и*, *-ѣ*)².

¹ В самих парадигмах глагола форма 3-го лица долго стояла особняком, ср. соответствующую асимметрическую форму в парадигме сигматического аориста, форму без связки в парадигме сложного прош. вр. типа *есмь читаль*. Парадигмы ед. числа имперфекта и дв. числа всех времен двухчленны, они не различают 2-го и 3-го лица.

² В школьном выражении «местоимение 3-го лица» подразумевается 'местоимение, согласующееся с формой 3-го лица глагола'. Если учесть, что в старой традиции, идущей от Мелетия Смотрицкого, все личные местоимения относились к указательным, существование этого выражения можно оправдать.

Если снимается условие удобства преподавания морфологии, современное местоимение-субстантив *онъ – его* считается указательным (ср. [1, с. 305]). Поскольку относительность является функцией других разрядов, относительные местоимения в [1] не выделяются в особый разряд¹.

По морфологическому признаку Вин. = Род.п. слова *я – меня, ты – тебя, он – его, кто – кого* (а в просторечии и *что – чего*) следует считать одушевленными, слово *что* – неодушевленным в литературной норме. Однако в области имен условием одушевленности является общность словоизменительной основы². Таким образом, всего есть три условия категории одушевленности: необходимое 1) единое основание – совпадение словоизменительной основы в словоформах; необходимое 2) Им.п., не совпадающий с Вин.п., и достаточное 3) Вин. = Род.п. Для слов *я, ты, онъ* не выполняется 1-е условие. Формы Им.п. этих слов образованы от иной основы, нежели их формы Вин.п. Следовательно, в морфологическом смысле признать эти слова одушевленными невозможно.

В культурно-психологическом и этическом плане эти слова имеют известные ограничения в употреблении: о себе неприлично слишком много говорить *я*; к малознакомым людям нельзя обращаться на *ты*; существует запрет на личное употребление указательного местоимения *он – его* («о присутствующих в 3-м лице не говорят»). В обычаях употребления заложены принципиальные собственные свойства языка, не зависящие от условностей и договоренностей его исследователей. Появляется еще один, прагматический, аргумент неодушевленности местоимения *он*.

В функциональном плане референтной соотнесенности слово *он* одинаково свободно указывает на лица и предметы без какого бы то ни было эффекта олицетворения. При определении лексического тождества *он* и *его* необходимо рассмотреть пути сложения единой супплетивной парадигмы *он – его*. Мы знаем только начальное различие и конечное современное тождество этого субстантива и имеем весьма смутное представление о промежуточных этапах довольно сложного процесса слияния форм И.п. *онъ* и косвенных *его – ему*.

По происхождению местоимение **i – его – ему* является относительным и называется анафорическим (см. [2, с. 352]). В сочетании с частицей *же* оно хорошо сохраняет эту функцию во всех своих формах. Для субстантива *его – ему* в письменный период встречаются только формы косвенных падежей, переход указательного местоимения 3-й степени дальности *онъ* в разряд относительных и личных – не общеславянское явление.

По своей недостаточной парадигме местоимение *его* схоже с местоимениями *себе, нѣкого* и *нѣчего*. Субстантив *его – ему* употребляется в качестве «запасного» анафорического средства в конце коденотативных цепей, когда исчерпываются ресурсы указательных местоимений *сей* и *тотъ* и лексических повторов. Особенно востребованным местоимение *его – ему* становится в деловой литературе после XIV века, когда правовая практика требует все более и более развернутых описаний при все более многократных обращениях к одному и тому

¹ В настоящей статье анафорическая (отсылочная) и собственно относительная (релятивная) функции условно объединяются под названием относительной.

² Это условие является даже более строгим, чем Вин. = Род.п. Ему не подчиняются одушевленные существительные на -а (сестра, владыка, сирота), а долгое время не подчинились и формы мн. числа.

же предмету речи. Это особенно хорошо видно на примере грамот новых жанров. Ср. Правую 1525 г. из Копийной книги актов на земельные владения Московского митрополичьего дома – Собр. Синод. б-ки № 276, до 1574 г. в АФЗХ I: *тот Игнат с теми ж ...* чем ты Федора Мануйлова и *его товарищов* уличаешь, и кому то ведомо, что *они* тебя били...? См. также АФЗХ I, Правые 1521 г., 1528 г. (из той же кн.)

Особо сложные отношения между субъектами права в правых грамотах побуждают к синтагматическому объединению словоформ *онъ*, *его* и т. д., за которым следует объединение парадигматическое и закрепление за субстантивом *онъ* – *она* – *оно* личного antecedента (как покажем, временное). В правых и жалованных грамотах указательное местоимение *онъ* проникает в парадигму *его* – *ему* особенно быстро. Не косвенные падежи подстраиваются к именительному, как это кажется с точки зрения школьной грамматики, а именительный присоединяется в самом конце кореферентной цепи, уже после *его* – *ему*, для выражения нового грамматического подлежащего и старого, хорошо известного предмета речи, которым оказывается лицо, поэтому в XVI – XVII вв. складывается именно личное местоимение *онъ* – *его*.

Как и другие слова, это слово развивается в условиях конкретных формул речи, например в конечной формуле санкции, в которой вместо *тотъ* в качестве соотносительного слова употребляется *его* – *ему*: *А кто ся иметь о сей земли бранити, судъ ми съ нимъ предъ Богомъ* (АЮ, 1435–1447 гг., с. 150). См. также Тарханную 1462–1466 гг. в УА, с. 2; Жалованные 1522 г., 1526 г. в АФЗХ I. Такая замена указывает не на жесткую синтаксическую конструкцию, а на модель, предполагающую варианты. Статус относительного или указательного местоимения с анафорической функцией здесь более высок, чем в современных конструкциях. В условиях коденотации (анафоры равнозначности) происходит так называемый референциальный выбор, подчеркивается один предполагаемый прецедент, поэтому резко повышается строгость анафоры и вместо *тотъ* употребляется *его* – *ему*. В ранних грамотах такая замена была невозможна (первый пример – 1317 г.). В XV – начале XVI в. *тотъ* на *его* – *ему* стали заменять чаще, но в целом соответствующей синтаксической конструкции так и не сложилось, обороты типа *кто... съ нимъ...* оставались на уровне модели и даже традиционных формул, поэтому соотносительное слово *его* – *ему* грамматикализироваться (войти в синтаксическую подчинительную конструкцию) не могло, зато оно способствовало вычленению личных antecedентов из массы возможных.

Вместе с тем чаще стало указывать на лица и указательное местоимение *онъ* в начальной форме, например, в формуле *учинити справу, срокъ тому, тому дѣлу*: *А которого суда игумен не всхочеть судить, и он тем людем учинить срокъ предо мною... и яз сам тому справу учиню* (АСЭИ, т. II, Жалованная 153, 1450–1451 гг.). Формула появляется после завершения кореферентной цепи, и по смыслу возникает удаленная соотносительность *а которого суда... тому...* В отличие от этой формулы, схожие формулы *учинити срокъ, учинити* + инф. (*стати*) подразумевают кому́.

Как видим, эта формула сочетается с другой, предшествующей: *а которого суда не по(вс)хочет кто-либо судити, и онъ...*¹ Уточняются правовые действия **лица**. Конструкция *кто (а которого)...* и *онъ...* внешне напоминает древнейшую местоименно-соотносительную модель *кто... тотъ...*, однако в действительности соотносительным словом в *и онъ* можно считать только *и 'то'*, а *онъ* сохраняет прежнюю третью степень удаленности, которая постепенно стирается, и анафорическая функция с antecedентом-лицом выходит на первое место.

Типичная кореферентная или коденотативная цепь к XVII в. организуется в тексте в следующем порядке: *люди – тѣ люди – тѣ мои люди – ихъ – они*. Форма Им.п. *онъ* замыкает собою цепь² (очень редко она могла возобновляться только на большом расстоянии), но только ту цепь, antecedентом которой является лицо. Именно в этом смысле и только в этом смысле в какой-то период истории русского языка, относительно поздний и недолгий, местоимение *онъ – его* было личным. До этого его не было вовсе (было относительное³ местоимение *его – ему* без Им.п. и указательное местоимение *онъ – оный*), после этого оно целиком стало относительным с полной супплетивной парадигмой *онъ – его* без различия личного и неличного antecedента. Неличная цепь обычно завершалась на *его – ему* и т. д., и не было необходимости еще раз обозначать тот же предмет речи в позиции синтаксического субъекта. Личная цепь в XVI в. могла завершаться как *и онъ* с переносом указуемого в позицию подлежащего, и только в XVII в. *онъ* регулярно стало употребляться без предшествующей частицы-союза *и* либо последующей энклитической частицы *же*.

Это хорошо интерпретируется как расширение кореферентных цепей сначала с личными, а затем и с предметными antecedентами: не только *вот стол, я вижу его*, но и *он стоит в углу аудитории*⁴. Только в наше время *он* свободно включается в кореферентную цепь. Ограничения лишь прагматические. Ср. следующие экспериментальные высказывания:

Окружающим добродетельные *поступки* бывают непонятны, *их* часто высмеивают, но *они* очень необходимы в нашей жизни;

Хозяйка, сидевшая напротив меня, протянула мне *заливную*, *она* мне понравилась;

¹ С формулой смесного суда (см. о ней далее по тексту). Ей среди десятков других мы уделяем особое внимание, поскольку она чуть ли не единственная, в которой И.п. *онъ* употребляется как обязательный компонент.

² Перед этим *онъ* в контактном расположении обязательно появляется *и*. Частица-союз *и* здесь настолько регулярна и употребляется настолько «навязчиво», что напрашивается вывод о восстановлении внутренней формы частицы-союза *и* (старый Им.п. *i при косвенных *его – ему* и т. д.) местоимением *онъ*. Этот оборот благополучно пережил все Средневековье и все еще активно употребляется в виде излюбленной современной нарративной конструкции. База данных Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) дает на сочетание *и он* 41 270 вхождений, на сочетание *и она* – 18 685, на сочетание *и они* – 14 443, на сочетание *и оно* – всего 2 271 вхождение, что вполне понятно: в узусе *он* как бы вернулось к своей исконной указательности в анафорической функции.

³ Если относительность считать только функцией, то указательное.

⁴ Все-таки даже с современной точки зрения это высказывание стилистически небезупречно. Мы бы и сейчас в живой речи опустили местоимение *он* и осуществили так называемую нулевую кореференцию, показав ее лишь интонацией. В высказывании *там студент Иванов, я слышал про него, он занимается лексикой* местоимение *он* необходимо. Пропуск этого местоимения будет восприниматься как недостаток. В нормативных грамматических пособиях XIX в. употребление местоимения *он – его* все еще ограничивается лицами, хотя это ограничение не соблюдается даже лучшими писателями. Так, Ф.И. Буслев находит грамматико-стилистическую ошибку у Жуковского: «По совершении молебствия начался ход вокруг монумента; первосвященитель окропил его (вм. оный, т. е. монумент) святою водою» [3, с. 126]. Но все это уже остаточные прагматические явления былого личного местоимения *он*.

- Где *журнал*? – Валяется на полке;
- Где *Петя*? – *Он* валяется на диване.

Выражение *и онъ* последовательно употребляется в клаузуле смесного суда жалованных грамот начиная с первой половины XV века в двух разновидностях.

1) *И онъ* употребляется в обоих случаях – и в отношении волостных (городских) людей, и в отношении монастырских людей (крестьян):

А будет виноват волостной человек, и *он* поедет... А будет виноват монастырской человек, и *он* поедет... А наместници мои и волостели в то ся не вступают (АФЗХ I, Жалованная конца 20-х – начала 30-х годов XV в.).

2) *И он* употребляется только относительно монастырского человека, при упоминании городского человека *и он* отсутствует. Особое внимание уделяется монастырским крестьянам, поскольку жалованная составляется от лица князя в адрес монастыря. Обратное соотношение (*и он* при *городской человек, монастырский человек* – без *и он*) отсутствует.

А прав ли будет, виноват ли манаытской человекъ, и *он* и в винѣ и в правдѣ игумену... Также игумен не вступается в городского человека... (АСЭИ I, Жалованная 139, 1439 г.)

Онъ употребляется, когда есть альтернатива и речь в ближайшем контексте идет еще о ком-нибудь. *Онъ* замыкает собой не кореферентную в узком смысле, а коденотативную цепь, то есть относит к воображаемому (будущему), а не к видимому (в настоящем или прошлом). Обязательным синтагматическим условием появления *онъ* в формуле является препозитивное контактное *и*, находящееся в отношении дополнительного распределения с *то*. Мы находим этому факту одно объяснение: восстановление внутренней формы забытого Им.п. относительно-указательное местоимения *и* – *его*. Из прежнего нейтрального по отношению к лицу/не-лицу относительного местоимения *и* стали вычленяться указания на лица (была открыта **личность**), вместе с тем появляется новое кореферентное указание на то же «3-е» лицо *онъ*. Повышалась строгость анафоры в цепи *тот* – *именно тот* – *тот самый*. Грамоты и в других формулах показывают *и онъ*, в единичных случаях – *а онъ*; в Евангелии и житийных текстах чаще встречается *онъ же*, где *же* переводит греч. *δέ*. Одно из первых независимых употреблений собственно личного местоимения *они* представлено в Псков. судн. грам. [4]. В наших материалах в ранних грамотах XIII – начала XIV в. на 5 случаев *и онъ* встречается только один случай *онъ же* и один – *тогда онъ* (РЛА, с. 26). На 15 случаев *и онъ*, *и она*, *и они*, *и онѣ* в грамотах второй половины XVI – начала XVII в., опубликованных в АММС, приходится 4 случая без *и*: *они деи...* (гр. 1602 г.), *что они...* (гр. 1609 г.), *а какъ онъ...* и *что онъ...* (оба – в Правой гр. 1564 г. по сп. 1682 г.). Следовательно, еще и в начале XVII в. преобладало *и онъ*. Расцвет употребления оборота *и онъ* приходится на XV – начало XVI в., когда подлежащее уже стало выражаться аналитически, затем происходил постепенный отрыв слова *онъ* от конструктивной и синтагматической (формульной) связанности. Субстантив *онъ* эмансипировался от синтаксического контекста и вошел в градуальный ряд личных местоимений *я* (*азъ*) : *ты* : *онъ*. Древнейшая не скрепленная морфологическими парадигмами языка эквиолентная оппозиция *i- : *u- (*i – *его* : *овъ*) уступает место градуальным оппозициям субстанти-

вов *я* : *ты* : *онъ* и атрибутивов *сей* : *той* (*тотъ*) : *оньй*. Градации в синтагмах речи («плетение словес») дают лексические и морфологические парадигмы языка.

Местоимение *онъ* в Им.п. зависело в своем употреблении от конкретных условий дейктической системы текста (1 – автор, 2 – адресат или важный предмет речи, 3 – третье лицо), то есть было еще указательным с личным антецедентом, а не лично-относительным. В XV в. еще не было местоимения 3-го лица, которое в тексте выступало бы универсальным показателем любого субъекта, не совпадающего ни с говорящим, ни со слушающим. Оставались в силе ограничения, связанные с прежней указательной функцией слова *онъ* – функцией указательного местоимения 3-й степени дальности. Но открывается авторская точка зрения, исходным пунктом при том же предметоцентрическом дейксисе становится сам автор – первое условие перехода на новый эгоцентрический дейксис. «Достраивание» парадигмы по модели личных местоимений происходило и в Вин.п. *и*: сложилось отношение Вин. = Род.п., как и в местоимении *я* – *мене* (*меня*).

И в формуле смесного суда, и в других формулах местоимение *онъ* (*они*, *онѣ*) появляется тогда, когда имеется еще ясная отсылка к третьим по порядку изложения лицам. В XV в. видим употребление личного местоимения *онъ* еще в условиях предметоцентрического дейксиса. Предложения типа *вот дом, он стоит у реки* (=который стоит у реки) пока не встречаются. Местоимение *онъ* еще не может считаться единым словом со всеми употреблениями другого слова *его* – *ему* в значении его начальной формы. В духовных грамотах с принципиально более простой расстановкой субъектов права и со множеством объектов права слово *онъ* отсутствует. Оно появляется в более новых усложненных жанрах языка права, в которых всегда в одном контексте фигурируют несколько спорящих сторон, разные категории ответственных лиц: судья, истцы и их представители, ответчики и их представители, свидетели и т. д. Это свидетельствует о резком повышении уровня правовой культуры в Московской Руси. Ср., например, сп. 1680–1682 г. с Правой грамоты суда царя и вел. кн. Ивана Васильевича по тяжбе о дер. Елданове 1564 г. (АММС, с. 165–195). Хотя говорящий, находясь все время на своей точке зрения, способен еще легко переносить ее на предмет, эгоцентрический дейксис уже ясно дает о себе знать. В современном русском языке точка зрения говорящего соблюдается намного последовательнее.

В поздних грамотах XV – XVII вв. в целом усиливается номинальная анафора (*тотъ крестьянинъ*), прономинальная анафора становится ее дополнением и уточнением в финале анафорической цепи (*его...*, *и онъ*). Повторы и расширенные анафорические выражения (*сеѣ у нихъ грамоты, тех его христиан*) являются надежным средством продвижения текста вперед. Они необходимы для активизации антецедента в памяти. Многократно возрастают коденотативные и кореферентные цепи, завершающиеся наиболее строгими анафорами *его* – *ему* и *онъ*.

Эловая форма при этом из зависимой, вносящей дополнительную комментирующую информацию превращается в форму основного предиката, описывающего план прошлого. Если *-л* в этой форме восходит к удаленному дейктику эпохи обратной перспективы (у римлян *ille* обозначало потустороннее, таинственное, невидимое), то в связи с переходом на прямую перспективу эловая форма

становится психологическим центром предложения, с которым согласуется подлежащее *онъ*. С точки зрения прямой перспективы предложения форма на *-л* занимает место главного предиката, как и формы на *-ть*, *-тъ* (*есть*, *читает*, *читают*, *читал*, *читали* – существо речи), зависимые от него формы – место дейксиса 2-й степени дальности (*книгу*, *ее*), *онъ* и любое другое подлежащее – место дейксиса 3-й степени дальности. В условиях эгоцентрического дейксиса предметный дейктик *он* – *его* входит немаркированным членом как в оппозицию предметного дейксиса *этот* – *тот* : *он*, так и в оппозицию личного дейксиса *я* – *ты* : *он*. Иными словами, в определенных условиях контекстуально эмансипированное анафорическое *он* может оказаться кореферентным и *ты*, и *я*, и *тот*, и *этот*. Эти свойства появляются только в процессе анафорической практики текста. Для *я пришел* и *ты пришел* прототипическим теперь является *он пришел*, а *я* является не одним из предметов (*се азъ*), но точкой отсчета (*эти бедные селенья*).

На заре нашей письменности еще сохраняются следы древнейшего дейксиса, связанного в виде форманта, гипотаксис действует только на уровне слова, но не сочетаний слов; дейктический компонент значения слова, выражающийся в форманте, играл словообразовательную роль. Переход к эгоцентрическому дейксису повлек за собой кардинальную перестройку в системе синтаксической: XV – XVI – века бурного расцвета препозитивного указательного местоимения-атрибутива (по В.В. Виноградову, «остатка местоимения») с анафорической и артиклеобразной функцией. Местоимение перестало играть словообразовательную роль, в остаточном виде сохраняет формообразовательную роль (*-л* из **о*ль, ср. *лонись*, *-ся* из Вин.п. *себе*) и активно включилось в процесс образования новых синтаксических структур – иерархически выстроенных словосочетаний (*та моя старая пожня*) и предложений (*...того, что...*; *..., потому что...*): в синтаксисе начинает главенствовать гипотаксис.

Им.п. слова *i – *его* специализировался на строгом паратаксисе и не вошел в единую парадигму свободного слова со средствами гипотаксиса *его* – *ему* и т. д. Но сложились полные парадигмы с расширителями справа или слева *иже* – *егоже* и т. д., *добръ-и* – *добра-(е)го* (за исключением притяжательных).

Развитый паратаксис, в том числе потебнианское «паратактическое подчинение», позволяет создать не только модели *и... и...*, но и *а(же)... то...*, *кто... то(ть)*. Слово в виде конкретной словоформы также выделилось из потока речи; после переразложения складываются модели собственно морфологического словообразования и, параллельно, словоизменения. Указательные местоимения-субстантивы развиваются как свободные и сами формируют свою морфологическую парадигму. У местоимения *его* – *ему* она была поначалу неполной. Местоимение *то* активно участвует в образовании вопросно-ответных относительных моделей типа *кто... тотъ...*, в которых оно развивает собственно местоименную анафорическую функцию как субстантив. Указательное местоимение в таком «паратактическом подчинении» важнее (стабильнее и обобщеннее) относительного, которое переосмысливается в союз (*иже*, *еже*) или заменяется таковым (*аже*, *аще*).

Все это происходит еще в условиях преобладания предметоцентрического дейксиса. Формируются синтаксическая перспектива простого и анафорические

связи сложного предложения. Местоимения иерархически распределяются в градуальной оппозиции *сей* : *тотъ* : *оний*.

В условиях гипотаксиса препозиция указательного местоимения позволяет развить строгую анафору и факультативную определенную референцию. На уровне словосочетания, в котором выделено главное слово (имя), местоимение входит в единый номинальный анафор с таким именем (*та(я) пожня*) – анафора ослабляется, референция усиливается. На уровне предложения оформляется такая же по типу группа *...того, кто...*¹, в которой относительное местоимение оказывается важнее как показатель гипотактического подчинения определенного типа; в языке закрепляются такие новые конструкции сложноподчиненных предложений, в которых указательное местоимение или частица становятся и вовсе факультативными. Это происходит в условиях эгоцентрического дейксиса. Появляется новое слово – местоимение 3-го лица с полной супплетивной парадигмой *он – его*², которое сосуществует со старым относительным *его* без формы Им.п. В последние два – три века это местоимение выходит из разряда личных и соединяется со старым относительным *его*: слово *он – его* расширяет свои функции до относительно-личного местоимения и поглощает таким образом старое относительное местоимение *его*. На этой ступени действует привативная оппозиция *сей, этот*⁺ : *тот*⁻, *оний*.

Семантическое согласование нового местоимения *онъ – его* привело в XVII в. к его употреблению как атрибутива типа *онъ Иванъ – его Ивана*: говорящие открывают и уточняют референт, и слово начинает выражать необходимое для государственного правового строительства **понятие**. Когда в языке права усваивается слово-понятие, употребление препозитивного дейктика, точнее квазиартиклевового анафора *тот*, идет на убыль, а использование оборотов типа *онъ Иванъ – его Ивана* и вовсе прекращается, что видим уже в имперский период. В этот же период и позже складывается относительное (с возможной вторичной указательной функцией) местоимение *он – его*, уже не ограниченное личными antecedентами. Только в современном русском языке (и даже после Пушкина, если учитывать прагматику) сфера функций формы Им.п. *онъ* совпала со сферой функций форм косвенных падежей *его – ему* и т. д. Наконец восполнилась недостаточная парадигма относительно-указательного (для предметов и лиц) местоимения.

Происходит этот сложный процесс в условиях русского реализма³. Тенденция к артиклю может развиваться до грамматической стадии лишь тогда, когда

¹ Соотношения прямых и косвенных форм в одних и тех же сложных предложениях следующие. В Национальном корпусе русского языка для *тот, кого* имеется всего 373 вхождения, для *тот, кому* – 269, для *тот, кем* – 21; для *того, кто* – 2 558, для *тому, кто* – 1 565, для *тем, кто* – 3 284 вхождения (добавились омоформы Дат.п. мн.ч.). В наше время установилась лишь постпозиция придаточного, но осталось ярко выраженное тяготение к этимологически обусловленному *къ-то* с кореферентным соотносительной основе *т-связанным -то* в позиции подлежащего придаточного. Относительная функция местоимений *кто, что* лучше выполняется, когда они расширены указательной частицей *-то*.

² Интересно, что в болгарском языке, который утратил падежную систему, для обозначения 3-го лица используется другое слово – *той – та – то – те*. Остатки косвеннопадежных форм Род. (*го м.р., я ж.р., ги мн.ч.*) и Дат. (*му м.р., и ж.р., им мн.ч.*) падежей уже не «ищут» себе подходящей начальной формы и функционируют как частицы. Новая супплетивная парадигма *онъ – его...* складывается в условиях хорошо сохраняющейся падежной системы имени и способствует ее развитию в речи.

³ См. труды профессора В.В. Колесова. Именно в безотчетно употребляющейся местоименной лексике старые ментальные тенденции сохраняются особенно отчетливо и долго.

гражданское общество и гражданское право становятся основой государственного строительства. У нас, в связи с преодолением последствий татаро-монгольского нашествия, государственное право опережало гражданское право, сила предписаний при собирании земель вокруг Москвы была намного выше силы частных «горизонтальных» договоренностей; образцами для канцелярии послужили не кореферентные цепи частных актов и протоколов прецедентного права, а коденотативные цепи законодательных актов, в которых вырабатывался понятийный аппарат, но не номинации внешних предметов. Это способствовало остановке тенденции к артиклю, характерной при отношении к слову с точки зрения номинализма, тенденции, идущей со стороны немецкоязычных оригиналов грамот и развившейся в языке саксонской и других германских канцелярий.

То, что называют «русским возрождением», проявляется в общественном и частном праве и словесности, связанной с этими важными потребностями государственной жизни. Происходило открытие автора во всех жанрах – от жития святого до частной грамоты. Личность автора потребовала обозначения личности персонажа через слово *онъ*. Но объединение словесности в литературном языке происходило не на основе деловой речи, а на основе языка церковнославянского. Открывается личность, появляется автор; переход на эгоцентрический дейксис осуществляется в стиле «второго монументализма» XVI в. [5]. Он распространяется и на законодательные государственные документы, и даже на некоторые документы частного права. Длинные кореферентные и коденотативные цепи подкреплялись атрибутивом *тотъ* и субстантивами *его* – *ему* и *онъ*. Точка зрения автора, законодателя, субъекта права выражалась все более и более отчетливо и последовательно. В условиях абсолютизма XVIII в. государственная машина сравнивала все субъекты права и сделала их объектами канцелярского управления. Особое местоимение 3-го лица оказалось теперь ненужным. Возникли новые бинарные оппозиции *я* : *ты*, *он*; *я*, *ты* : *он*.

Предпосылки сближения местоимений *i и *онъ* необходимо искать в предистории. Индоевропейский, особенно иранский, материал также показывает отсутствие специального местоимения для обозначения 3-го лица. Остатки дописанных отношений между местоименными основами -j(e) и -(o)n видны в образовательных формантах. Если справедлива гипотеза агглютинации Ф. Боппа, в том числе что форманты -j и -n произошли, соответственно, от относительной (в латинском и общеиндоевроп. – в сфере «я») и указательной (дальней степени дальности) местоименных основ, то вполне отчетливо можно проследить их словоизменительную и словообразовательную антонимию, в частности действительного залога : среднего и страдательного залога (да-j-еть, дающий {где -щ- из *-t-j-}, давший {где -ш- из *-s-j-} : да-n-ъ); императива : 3-го л. мн.ч. индикатива (виждь {где -жд- из *-d-j-} : видят {где -ят- из *-i-n-t-}); компаратива : положительной степени сравнения (краше {где -ш- из *-s-j-} : красьный); во мн.числе – И.п. м. рода : ж.(собир.) рода (столѣ {где -ѣ из *o-i} : стѣны {где -ы из *a-n-s}); в ед. ч. – Мест. обстоятельного п. : Вин. п. прямого объекта (столѣ {где -ѣ из *o-i} : столь {где -ъ из *o-n}).

Основа *-j очень широко представлена в глагольной лексике. Возможно, она соотносила таким образом глагольную форму с именем – носителем признака.

Имена с основами на *-i и *-jo могли обозначать диких животных и лиц (часто с опорой на значение принадлежности). Идея сопоставления предметов по качеству, давшая в конце концов сравнительную степень, также выражалась связанным относительным местоимением. Складывается впечатление, что суффикс *-j/-i означает имя деятеля (*вождь, гость, медведь*). Помимо собственно относительного свободного местоимения *его – ему*, способствующего выражению длинной кореферентной цепи, в свободном виде паратактическая связь без переклочки референции выражалась повтором *и... и...* в форме начального падежа. Различные употребления частицы *и* в разной степени унаследовали древнейшую относительную и соотносительную функцию. Союзная соединительность восходит к соотносительности и далее – к относительности.

Постпозитивное контактное употребление местоимения *и – его* в местоименных формах прилагательных, субстантивов и причастий выражает определенность и собирательность. Относительная функция «полусвободного» -и – -(е)го подтверждается переводами греческого артикля либо свободным относительным местоимением *иже – егоже*, либо постпозитивным контактным -и – -(е)го.

Основа *-n выступает в глаголах как суффикс 2-го класса и инфикс 1-го класса (*лягу, сяду*) с инхоативным значением непереходных глаголов. Она же оформляет имена по качеству (*дь-н-ь, сла-н-ь*), грамматикализуется в виде значения среднего и позже – страдательного залога, еще позже в великорусских говорах – в виде статального и акционального перфекта; в именах – как показатель Вин.п. и древнейшего Им.п. ср.р. Глагольный переход в состояние и обстоятельство («состояние») действия, переосмысленное как его объект, выражаемое именем, – значения, известным образом перекликающиеся. Понятно также, почему эти значения принадлежат тому же (по крайней мере по звучанию) *-n, что и местоименная основа -н: указывая на 3-ю степень дальности, она не входит в показатели лица *m(i), *s(i), *t(i) и может указывать только на зависимые от глагольного слова объекты или субъекты, например, их мн. ч. в *nt(i) или в действ. прич. наст. вр. в *nt в виде инфикса *-n-)¹. Как вторичный замещенный субъект воспринимается и слово *онь* – прямая форма, при том что основ косвенных форм на j(e)-.

Новая парадигма *онь – его* только тогда может считаться вполне морфологизованной, когда обе ее супплетивные части – Им. и косвенных падежей – будут соединены во всей совокупности лексических функций нового комбинированного слова. Поэтому даже в XVII веке, когда *онь* было только личным местоимением, оставалась неполная парадигма относительного (предметного) местоимения *его – ему* без формы Им.п. Единое лично-указательно-относительное местоимение *он – его* – продукт очень позднего времени. Обобщение функций субстантива *онь* произошло в тот период, когда атрибутив *оний* окончательно перешел на стилистическую периферию языка, а его дейктические функции полностью стали выполняться местоимением *тот*.

¹ Э.А. Балалыкина приводит убедительные литовские и древнерусские свидетельства линейного осложнения прилагательных составным формантом из рассматриваемых местоименных основ *-n-j-, давшим суффикс -н(ий) и имеющим указательно-выделительную функцию, например, *краинши, коньчнши* [6].

Атрибутив *онъ Иванъ – его Ивана* известен в короткий промежуток времени XVII в. Эта синтаксическая инновация связана именно с кратковременным переходом *онъ* в личные местоимения: семантическое согласование с именем лица исчезает, когда *он – его* становится полностью относительным местоимением: личное местоимение 3-го лица в современном русском языке отсутствует так же, как и в домонгольский период. Только тогда действовали эквиолентные оппозиции *я : ты и той : онъ*, затем – градуальная *сей : тотъ : онъ*, а сейчас – привативная *я : не-я (тот)*, участники беседы (*я, ты*) : неучастники (*он*) = *это : то = этот : он*.

Итак, относительное местоимение *i – его закономерно употреблялось только в формах косвенных падежей. Это историческая константа, принципиальных изменений в употреблении этого местоимения в письменный период не наблюдается. К XV – XVII вв. **часть** его употреблений закрепляется за личным antecedентом. Возникла необходимость выражать личный субъект особым словом, и слово *онъ* стало специальным лексическим средством, обозначающим такой субъект-подлежащее. Часть употреблений указательного местоимения *онъ*, а именно в его простой форме субстантива Им.п., ограничивается в это же время тем же личным antecedентом и относительно эмансипируется от фразеологической и структурной идиоматики контекста. Только в это время, наряду со старым относительным *его – ему* с недостаточной парадигмой, функционирует личное местоимение 3-го лица *онъ – его*. Первое употребление формы Им.п. *онъ* относительно неличного antecedента встретилось нам только в грамоте от 4 марта 1684 г.:

А давать на *тѣ* покупные товары выписи, что *онѣ* покупаны на денги; а гдѣ *тѣ* покупные товары въ продажѣ будутъ... (УА, Жалованная, с. 11)

Осваивание форм Им.п. *онъ, она, оно, они, онѣ* неличных antecedентов шло параллельно с распространением лексемы *этом*, вытесняющей *сей*. В наше время возникает эгоцентрическая корреляция *я, ты : он = этом : тот = сей : оньий = авось (из а во се) : а вот = вот : вон* и др.

К нашему времени форма *он, она, оно, они* приобрели совершенно новое свойство указывать, помимо лиц, на предметы. Прагматические узуальные трудности ощущаются до сих пор, но в **системе** русского языка уже произошел «обратный» сдвиг: местоимение *он – его* из разряда личных перешло в указательное-относительное, наконец поглотив недостаточную парадигму *его – ему*¹.

¹ В методическом плане подчеркнем, что достоверно известны **две** разные лексемы: *i – *его* и *онъ – оньий*, – разные исходные лексемы и разные объекты (или даже «субъекты») истории, и о вторичной **третьей** лексеме с новой супплетивной парадигмой *онъ – его* нужно говорить очень осторожно, все сомнения разрешать в пользу разных лексем, не навязывать далекому прошлому черт более знакомых и более близких нам эпох, а в настоящем видеть и различать неумолимую логику языковедческой науки и добрые традиции школьной грамматики. Эта третья лексема завершает переход, грубо говоря, из разряда личных в разряд указательных, если относительность считать не разрядом-классом, а всего лишь функцией местоимений, что не противоречит ни всему вышеизложенному, ни исторической реальности. Третья гибридная лексема личного местоимения появилась не в очень далеком прошлом, была недолговечной и сейчас является архаизмом. Она совпала по своим функциям с первой лексемой в результате расширения второй лексемы до исконной функции. В современном русском языке местоимение 3-го лица как отдельное слово отсутствует. Таков необходимый вывод в грамматической лексикологии [7].

Summary

D.G. Demidov. The Class of the Pronouns онъ – оный, его and онъ – его. Historical, Genetic and Cultural-Psychological Aspects.

By the 16th – 17th centuries, the demonstrative pronoun *онъ – оный* divided into personal *онъ* and demonstrative *оный*. The pronoun *его – ему*, which was originally relative and had no nominative case form, acquired personal antecedents and was fixed in a full suppletive paradigm with the initial form *онъ*. During the imperial period with the increasing role of the state, the personal pronoun *онъ – его* became relative-demonstrative.

Key words: demonstrative pronoun, relative pronoun, personal pronoun, deixis, anaphora, co-reference, category of a person.

Источники

- АММС – Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря / Под ред. Л.В. Черепнина и др. – М., 1984. – Ч. 1. – 443 с.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.: в 3 т. – М., 1952. – Т. I. – 804 с.; М., 1958. – Т. II. – 727 с.; М., 1964. – Т. III. – 687 с.
- АФЗХ I – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – Ч. 1. – 400 с.
- АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838. – 514 с.
- РЛА – Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. – СПб., 1868. – 462 с.
- УА – Угличские акты (1400–1749 гг.) // Чтения в Импер. о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. – М., 1899. – Кн. 1. – С. 1–236.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
2. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 491 с.
3. *Буслаев Ф.И.* Учебник русской грамматики, сближенной с церковно-славянской, с приложением образцов грамматического разбора: для сред. учеб. заведений. – М., 1873. – 215 с.
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – СПб., 1890–1912.
5. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3. – С. 3–164.
6. *Балалыкина Э.А.* Роль сопоставительно-исторического метода в изучении адъективного словообразования в родственных языках // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2005. – Т. 147, кн. 2. – С. 11–22.
7. *Балалыкина Э.А.* К вопросу о грамматической лексикологии как самостоятельной лингвистической дисциплине // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 2. – С. 68–76.

Поступила в редакцию
03.05.10

Демидов Дмитрий Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: demidoffs@rambler.ru